

Владимир Гуляев

Вовкины истории

книга 1

Владимир Гуляев
Вовкины истории. Книга 1

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гуляев В. Г.

Вовкины истории. Книга 1 / В. Г. Гуляев — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Истории шестилетнего деревенского мальчика, который из Сибири переезжает на Север, в город Норильск. С Вовкой в течении 4 лет случаются разные истории, благодаря которым у него формируется характер, а в 10 лет...

© Гуляев В. Г., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Отзывы на «Вовкины истории», полученные от читателей из переписки и Интернета

«Это как же нужно любить свою землю, людей, семью, чтобы мобилизовать себя на сей благородный труд, воплотить это чувство любви в художественно-поэтическое, прозаическое слово.

Очень важна конкретика изложения исторических событий, описание судеб людей родных, близко знакомых. Важен патриотизм через любовь к ближнему кругу – семейному клану.

Работа очень кропотливая, но важная для сохранения исторической правды жизни. На такой труд способны истинные патриоты своей земли и семьи. Если бы каждый семейный клан имел такого летописца, были бы невозможны искажения и домыслы, а дети и внуки достойно и с гордостью несли далее любовь к земле и родным людям».

Галина Горн (во девичестве Брюшкова) – жена (вдова) Виктора Горна*

14.08.2017г.

*

—

Горн Виктор Фридрихович (Фёдорович)

(11.04.1949 – 31.03.2012) – литературовед, критик и шукишиновед, доктор филологических наук, профессор. В конце 80-х возглавлял местное отделение Союза писателей СССР, был главным редактором журнала "Алтай", член совета по критике и литературоведению Союза писателей СССР и РСФСР

.

=====

Вовкины истории

Книга 1. «Вовка»

Вступление

Любой театр, как известно, начинается с вешалки.

А наша жизнь – театр, сказал В.Шекспир монологом Жака:

«Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы, И каждый не одну играет роль. Семь действий в пьесе той. Сперва младенец, ревуший горько на руках у мамки... Потом плаксивый школьник с книжной сумкой, с лицом румяным, нехотя, улиткой ползущий в школу...»

И мы, каждый, как актёр по жизни имеем свои «вешалки и гардеробные», которые заполняются многими «коробками», о содержимом которых до поры до времени забываем. И только с годами у нас появляется время заглянуть в них и извлечь их содержимое пылившееся долгое время.

А там: детство и юность... Они прятались в пирамидах наших впечатлений, насыпаемых временем. Десятки лет память скрывала и прятала от нас самих наши воспоминания о ранних годах жизни и всё то, что происходило в детстве и юности, прятало безжалостно и неумолимо. Прошлое забылось надолго, но не навсегда и вот с годами часть воспоминаний начало проявляться как фотопленка постепенно, кадр за кадром, год за годом, выстраиваясь в сюжет как в кинохронике, прокручивая в памяти те яркие события жизни, которые видимо и стали 'точками отсчета' для последующих событий. Память цепко хранила эти 'точки' до поры до времени и, руководствуясь какими-то своими правилами и законами, в один прекрасный

момент стала щедрой и расточительной. И тогда эпизоды детских лет, врываясь в сознание, стали настолько яркими и эмоциональными, что это невольное путешествие в прошлое начало выглядеть реальностью.

Возможно, что это приходит к нам в наших снах.

Глава 1. Детство. Сибирь

1957

До моего рождения один пацан уже был у моих родителей – это мой старший брат. Его звали Славкой. Я, конечно, об этом ещё не знал, так как был только в проекте, поэтому вторая детская ниша в семейном пространстве была ещё пуста, а это не могло продолжаться долго – она должна была быть заполнена. И вот тёплым июньским днём мой первый крик раздался в сельской больнице, оповестив мир о моём появлении.

– Смотри, здоровяк какой! – Сказала медсестра. – И в шапочке родился! Счастливый будет. Ишь, уже улыбается, жизни радуется!

– Да ты от окошка-то отверни его, видишь, сощурился от солнечного света.

– Пусть привыкает, солнце оно силу придаёт. В хороший день родился, солнечный и тёплый! Зина, как именовать-то решили?

– Не знаю пока, Славка сказал, что он назовёт сам, ему уже три с половиной года – большой, я сам, говорит, придумаю как его назвать.

Рождение ребёнка всегда, особенно на селе, было большим и радостным событием, как для родителей и родственников, так и для односельчан, которые не были безразличны к такому событию. Видимо уклад жизни того времени был немного другим, более добрым и дружелюбным.

Перед больницей лихо развернувшись, и подняв пыль столбом, остановился мотоцикл.

– Что там? Как? Кто родился? Сын! Молодчина, супруга! Второй сын! Как они? Нормально! Посмотреть можно? Потом! Ну ладно, потом значит потом. За мной, девчонки, халва и конфеты, – крикнул отец медсёстрам, помахал жене рукой и уехал...

Он дня два угощал за рождение сына-богатыря родственников и мужиков-механизатов, своих коллег, с двух деревень: родной Новообинцево и Шелаболихи.

На третий или четвёртый день к роддому подъехала сверкающая хромированными бамперами «Победа».

– Глянь, начальство какое-то подкатило? – Молвила медсестра, помогающая Зинаиде пеленать мальчика.

– Это Фёдор, брат Геннадия. За нами приехали.

– Смотри-ка, как за прынцем прям! На эдакой шикарной машине!

Вовка мирно и важно посапывал, как будто зная, что «прынцем» называли его.

Из машины вышли отец и его брат Фёдор. Фёдор работал в соседнем районе председателем колхоза и обещался стать крёстным новорождённому – вот и приехал за «крестником»:

– Ну-ка, ну-ка! Где тут мой «крестник»? Ух-ты, какой востроглазый! Ха-ха! Смотри-ка, глядит как прямо! Ну, что крестник – добро пожаловать! Сейчас мы тебя как начальника домой домчим!

Отец гордо и осторожно нёс меня к машине. Так и прошёл мой выезд из роддома в жизнь в «шикарной машине» под ярким названием «Победа».

Когда меня сонного привезли домой брат Слава, говорят, долго присматривался ко мне и изрёк:

– А чё это он слеплый какой-то!

А когда я чуть приоткрыл глаза, не полностью, а так – маленькие щелки, он закричал:

– Смотрите, смотрите, Вовка прослепился!

Так у меня появилось имя – Вовка. В нашей родне уже было трое Вовок Гуляевых, одному – 10 лет, второму – два, третьему – год. И вот появился я – четвёртый. Позже родятся ещё трое и их назовут таким же именем, но это будет позже и я об этом ещё ничего не знал и знать не мог.

Сам ребёнок в первый год жизни знает много и совсем не то, что знают его родители и другие взрослые, а иначе почему бы он с таким любопытством смотрел на мир, в который он пришёл неожиданно для себя. Но в течение первого года он практически всё забывает, переучиваясь с их помощью. А частичка его прошлых родовых воспоминаний не исчезает полностью, а остаётся где-то в глубинах памяти, но выйти из заточения этой частичке сложно – практически не возможно. Он бы многое им рассказал в свои первые дни и месяцы, но мог издавать только: «гу-гу-угу-угу!..»

Когда мне исполнился месяц, мать пошла на работу, а я остался под присмотром бабушки и старшего брата. А что было за мной присматривать: я мирно полёживал в зыбке – спал и посасывал тряпочный узелок с перетёртой кукурузой и хлебом, а когда не спал – рассматривал белый потолок, по которому ползала вниз головой большая фиолетовая муха и «раздумывал» о своём бытии, а брат носился по двору или огороду; бабушка хлопотала по хозяйству: то полола грядки, периодически проверяя наличие моего питания, то судачила с зашедшими в гости соседками, одновременно следя за Славкиными передвижениями.

В тот год осенью Славка, выскользнув из бабушкиного поля зрения пока она вела задушевные разговоры с двумя сударками на крыльце, совершил небольшой поджог кучи прелой соломы с обратной стороны дома и, испугавшись, убежал, спрятавшись в зарослях черёмухи обильно растущей в нашем огороде. Возможно, огня было и не много, но густой дым зашёл в комнату, поднялся над улицей. Я был успешно спасён бабушкой, а через минут десять приехал отец с мужиками из МТС и загасили огонь. Дом не пострадал, я какое-то время кашлял, а Славка получил по первое число.

Шли годы...

Когда родится ребёнок то, вначале, кажется, что как-то он долго не ползает, потом, вроде, долго ползает, а должен бы уже ходить. А вот когда он начинает бегать... То про всё предыдущее сразу забывается.

Коротка память человеческая.

1961

Вовка рос.

Рос и старший брат. Вовке, конечно, думалось, что старший брат растёт быстрее, гораздо быстрее: вот он уже в школу пошёл и ему купили большой велосипед. Взрослый велосипед купили – на вырост! Славка на нем быстро научился кататься «под рамой» и уже через неделю рассекал по переулку с пацанами попеременно. Вовка вначале бегал за ними, но потом ему это надоело: чего зря бегать, если они всё равно не научат его ездить на велике, а прокатить его у них желания особого и не было. И тогда он уходил в огород в прохладу черёмуховых зарослей, усаживался на траву и прижимался спиной к стволу «главной черёмухи» – так определил он её для себя, потому что она была самая высокая и стройная, ветвистая и толстая у земли, а для Вовки она ещё была самой главной и самой доброй. Это было его любимое место и ему нравилось вот так сидеть молча и слушать шелест листьев и веток, слушать... и придумывать разные истории.

Одногодков у него в переулке не было, на год-полтора старше и младше были, а ровни – нет, а старшие не всегда брали «мелких» играть в свои игры. «Вот, если бы мне научиться на велосипеде ездить!» Но тот, Славкин, был ещё тяжелым для него – четырехлетнего... «Вот подрасту на будущий год и буду кататься!»

Но, ни на будущий год, ни в последующие три-четыре, научиться «ездить» на велосипеде Вовке не пришлось.

Прошло чуть больше недели после Вовкиных «думок» как Славка, катаясь по улицам в очередной раз, вдруг выехал из переулка на главную дорогу и врезался в милицейский «бобик». «Бобик» не пострадал, да и Славка к счастью получил лишь несколько незначительных ссадин и ушибов. И на этом «бобике» он был доставлен домой в объятия родителей.

Велосипед приказал долго жить, и был поставлен на долгую стоянку в сарай...

По осени, когда шла уборка урожая, одной из забав у деревенской ребятни было добывание зерна. В принципе голодными они не были, но интерес к зерновым культурам у них был, всё-таки крестьянские дети в корнях.

Вечерами, когда темнело, деревенская ребятня выдвигалась на исходные позиции к узкой улице, по которой с утра до ночи проезжали к элеватору грузовики, груженные зерном. Славка с друзьями тоже принимали участие в добыче зерновых, но без Вовки.

Ему в ту пору уже исполнилось четыре года, и он был вполне самостоятельный человек, правда, его старший брат с друзьями не брали этого «самостоятельного» с собой, поэтому утверждаться в своём статусе Вовке пришлось самостоятельно: на отдаленном расстоянии он, прячась за выступающими палисадниками и прижимаясь к заборам, тихо и уверенно следовал за ними, а когда они дошли до места и стали что-то делать, передвигаясь с одной стороны улицы на другую, он присел за кучу бревен у одного из домов и начал наблюдать, что будет дальше.

Пацаны перебежали через улочку и что-то быстро прикручивали, в темноте было трудно определить, что они там делали. Позже Вовка узнал, что они натягивали через улицу обыкновенную швейную нитку, а когда подъезжающая машина освещала эту нитку фарами, то в их свете она казалась толстой как веревка. Водитель останавливался, ругался и шёл убирать это непонятно откуда взявшееся препятствие, а ребятня в это время через задний борт горстями набирали пшеницу, ссыпали в карманы и быстро ретировались в кусты. Водитель поняв, что это детские шалости, матерясь и чертыхаясь, возвращался в машину и ехал дальше.

Пацанам было очень весело, и потом они шумной толпой отправлялись домой, жуя на ходу теплые зерна, и взахлёб рассказывали друг другу, как это было здорово и смешно.

Подобные «забавы» проделывались не более двух раз, вернее не более двух вечеров. Может они и позже потом кем-то исполнялись, но явно не Славкиными друзьями. Ибо уже к вечеру второго дня, или утром третьего шутники были разоблачены и карающая рука отцов опускала на их оголенные места, ниже поясицы, солдатский кожаный ремень, а некоторым доставалось бичом или вожжами. После таких воспитательных мер пожевать зерна больше не хотелось.

Так что главной забавой, безобидной и более полезной оставалась рыбалка, выливание хомяков и сусликов и лазанье по ярам для добычи яиц из гнезд птиц... Более выгодной, в двойне, была добыча сусликов: во-первых, за каждую шкурку платили по пять копеек, что равнялось одному походу в кино, а во-вторых, поджаренное мясо сусликов было очень вкусным.

Славка со своими друзьями-ровесниками изредка брали своих младших братьев и сестер на эти мероприятия, всё-таки лишняя бидон с водой не будет мешать, а если не брали, то Вовка и подобная «мелюзга» с их переулка собиралась в свою «стайку» и находила себе игры по своему статусу. В основном это был сбор цветных стекляшек и «уничтожение» урожая в огороде: огурцов, морковки и, конечно же, поедание черемухи, благо черемухи в огороде было полно.

Однажды Славка с друзьями притащили кучу свинцовых решеток из старых аккумуляторов и решили стать «металлургами». Разведя в огороде костер и наделав в земле несколько небольших углублений разной формы, наломав свинца и уложив его в консервные банки, ребята приступили к первой плавке. Вовка с любопытством наблюдал за этим процессом. Металл оседал и превращался в блестящие капли, капли катались по дну банки, то соединялись в одну большую массу, то разбегались на несколько. Потом пацаны выливали эту жидкость в лунки-формы и ждали, когда она остынет. Процесс остывания был не таким быстрым: свинец, принимая форму, какое-то время пузырился, сверкая серебром, медленно остывал, становясь тёмно-серым. После первой партии отливки они долго и внимательно рассматривали свои «шедевры металлургии» и приступали ко второй плавке.

Вовкина природная любознательность, помноженная на желание поучаствовать и помочь, родила у него идею о необходимости ускорить процесс остывания отлитого металла, и пока Славка с друзьями расплавляли свинец, он сбегал в дом, набрал кружку холодной воды и поспешил к месту дружно идущей плавки.

«Металлурги» уже заканчивали заливать формы, Вовка подоспел во время и с разгону выплеснул воду в одну из форм. Вода злобно зашипела и расплавленный свинец начал брызгаться, разлетаясь в разные стороны со скоростью пуль. Ребята бросились наутек, но горячие капли свинца догоняли их, впиваясь в спины.

Слава «почетного сталевара» Вовке не досталась, зато потом досталось пару пинков и несколько оплеух от старшего брата, а также около десятка волдырей от ожогов на спине и голове.

«Металлургический завод» прекратил свое существование...

Потом, когда Славка с друзьями отправлялись на поля выливать сусликов или собирались на рыбалку на Обь, Вовка долго канючил:

– Меня-то возьмите, я тоже хочу!..

– Хватит пищать, сиди дома и играй вон со своими, а то жди от тебя опять чего-нибудь эдакого! – Говорил Славка и с друзьями удалялся на промысел.

От таких слов Вовке становилось грустно и обидно. Правда, ненадолго, потому что, благодаря его «пытливому уму и фантазёрству» эта обида быстро проходила и на смену ей приходила какая-нибудь новая идея.

После одной из таких идей бабушка чуть ли не бегом вела его в больницу для промывания уха.

Дело было так.

Получив в очередной раз отказ от старшего брата в участии в рыбалке, Вовка, побродив по переулку, зашел в свой огород. В гуще черемухи он увидел, что на ветках появилась какая-то большая и широкая серо-белая полоса – это были мотыльки, сидевшие на ветках плотно друг к дружке.

Решение было принято быстро: «Это – тля! Они едят нашу черёмуху, нужно их немедленно разогнать!» – Подумал Вовка. Отойдя на некоторое расстояние, он стал кидать в их сторону земляные камни. Недолет, недолет. Эффект слабый. Тогда он взял длинную палку как саблю и, подойдя ближе к полчищу мотыльков, начал махать и бить ей в эту серую глазастую массу. Мотыльки с громким шорохом поднялись и стали беспорядочно летать, ударяясь то об ветки, то об Вовку и в какой-то момент ему показалось, что они на него начали нападать, стучаясь о его лицо, плечи. Он отступил и тут кто-то влетел ему в ухо. И там застрял, шевелясь в его голове. Вовка заорал и рванул в дом. В ухе противно шевелилось насекомое. Было ощущение, что оно там летает!

Бабушка быстро перевязала Вовке голову платком, и они бегом побежали в больницу. Родственница, работавшая медсестрой, всплеснула руками и спросила:

– Чего опять стряслось-то?

– Да, вот мотылек ему в ухо влетел!– ответила бабушка.

– Вовка, ты Вовка, всё у тебя что-то приключается, чудо ты наше! Как он туда к тебе попал-то?

– Я, знаю? Взял и влетел!

– Ясно, что влетел. Ну, давай будем вымывать его! Твоего мотылька.

После промывки уха, тетка на всякий случай прошприцевала ему и второе. Вовке сразу полегчало и показалось, что солнце светит ярче и слышит он еще лучше, чем раньше, даже шелест травы за окном!

Домой они шли не торопясь, до тех пор, пока их не догнали Славка с друзьями, возвращавшиеся с рыбалки.

– Баб, он чё сбежал что ли? – Спросил Славка.

– Да нет, он тлю сгонял с черемухи, вот один мотылёк ему в ухо и залетел. Из больницы идем.

– Вечно у тебя чего-нибудь происходит, – буркнул Славка.

– Ну, ты и вояка, – рассмеялись пацаны.

Вовка прибавил шагу, реплики пацанов ему были не интересны. Дорога домой оказалась намного короче...

1962

Поездка в Ленинград

Вовке повезло.

Он ехал в Ленинград – не один, конечно, а с матерью и двоюродными дедом и бабой, которые ехали проведать дочь, ну а Вовка с матерью, вроде, как их сопровождали. Деду было уже 83 года, да и видел он плоховато, а вот память была у него хорошая: он помнил, как ещё при царе начинал служить в армии и отслужил почти 20 лет! Не часто, но рассказывал про ту, царскую службу, интересно рассказывал. А в деревне его звали все «Колчаком», говорят, что он и у белых успел побывать, а потом и у Будённого служил, и усы у него были длинные и толстые, говорили – как у Будённого, и он постоянно подкручивал их и направлял вверх. А ещё говорили, что он со Сталиным был одноклассник. Вовка тогда ещё не знал и мало понимал, кто такие были Будённый и Сталин, но слышал, что кто-то из взрослых хвалил их в разговорах, а кто-то ругал. Но Вовке это, ни о чём ещё не говорило, он знал одно, что вот дед Илья уже старенький и поэтому присмотр за дедом был нужен, ну а кто, как не Вовка лучше сможет присмотреть за ним! Ну и мать, конечно тоже.

Вовка много слышал о Ленинграде от взрослых – в деревне многие мужики там фашистов били. И его родной дед Леонтий тоже там воевал, только Вовка его не застал, помер он года за четыре до Вовкиного рождения. Но кое-что про деда он слышал, и медали его геройские держал даже в руках. А ещё он очень любил слушать рассказы о войне, даже сам фантазировал на эту тему и, конечно, мечтал увидеть этот город, а тут такое подфартило!

Поезд двигался очень быстро, монотонно и интересно постукивая колёсами, приятно раскачиваясь из стороны в сторону и, главное, что страшно нисколечко не было. Людей в вагоне было много, но Вовка быстро познакомился почти со всеми и, важно расхаживая, заходил в соседние купе, садился на краешке и начинал спрашивать – кто куда едет и откуда, но в основном он рассказывал о своей деревне, о своём отце, который служил танкистом, а сейчас работает главным по машинам и полям.

В одном купе ему не удалось завести знакомство: там сидела большая тётка сердитого вида, а рядом с ней мужичок небольшого роста и две девчонки, похожие друг на дружку, «как две кружки» – так говорили в деревне про близнецов. Вовка запросто зашёл в открытое купе

и только открыл рот, чтобы поздороваться, как тут же был остановлен сердитым взглядом и словами тётки:

– Мальчик, иди к своим родителям! Нечего здесь ошиваться!

Девчонки-близняшки сидели, втянув свои головы в шеи, и молчали, глядя в пол.

Вовка быстренько выскочил из неудобного купе. Но вот в соседнем купе, он познакомился с угрюмым на вид, но, как оказалось – добрым седым военным, у которого было много цветных ленточек на кармане пиджака. Вовка подсел к нему и сразу "в лоб" спросил:

– А что это у Вас за цветные флажки? Награды, да?

– Да, малыш, это мои награды с войны, – ответил военный и погладил Вовку по голове.

Война – это была Вовкина стихия, его конёк. О войне он мог говорить часами без умолка, а тут настоящий седой бывший фронтовик. Вовка как из пулемёта сразу начал задавать кучу вопросов: где воевал? Кто по званию? Был ли ранен? Куда едет? Вопросов было столько много и заданы они были с такой скоростью, что Вовкин военный улыбнулся и, немного помолчав, сказал:

– Ну, ты и шустрый! Строчишь и строчишь вопросами. Обожди так нападать-то...

И, видимо, что-то в нём произошло, что-то вздрогнуло, что даже соседи по купе, говорившие о чём-то своём, замолчали.

– Был у меня сын, понимаешь, такой же белобрысый и шустрый... как ты... ну на вроде тебя, сейчас он был бы уже взрослый, но потерялся в войну, вот я его всё и ищу. – По щеке военного сбежала капелька росы.

– Дядь, вы найдёте его!..

Вовке стало как-то неприятно, что он влез куда-то не туда со своими расспросами.

– Да, сынок, может и найду! Ну, да, ладно. А воевал я много и долго, дай бог тебе прожить жизнь и не узнать войн.

Его рассказ был не очень долог. Один из попутчиков достал бутылку "московской" и, молча, разлил её содержимое в стаканы из-под чая. Вовка прослушал историю своего нового знакомого с разинутым ртом, он как будто сам был там, сам участвовал в этих боях, что-то очень знакомое было для него в этих не многословных, но содержательных воспоминаниях солдата, только что? Может это были его, Вовкины сны?

Слушая, он как-то сразу окунулся в те события и живо представлял всё так давно происходившее, хоть и не с ним...

Когда рассказ был закончен, в купе повисла тишина и Вовка, обняв военного, прошептал ему на ухо:

– Дядь, вы найдёте его, да! Найдёте!

И убежал в своё купе.

Потом он всю ночь глядел в окно на мелькающие огоньки – сумеречные призраки ночи, освещённые луной, и всё им услышанное проносилось в его воображении и мыслях кадр за кадром как в кино.

«Война – это плохо!» – Думал Вовка и с этими думами он заснул.

Утром он первым делом заглянул в купе военного, но его там не оказалось, не сейчас и не позже. Наверное, он сошел на какой-то станции в поисках своей семьи и своего сына...

А поезд продолжал движение – всё ближе и ближе приближаясь к Ленинграду.

Город мечты оглушил его с самого перрона. Столько людей в одном месте и сразу Вовка никогда не видел: в небольшом пространстве между двумя поездами, казалось, людей было больше, чем жило в их деревне. И все куда-то шли, толкаясь, и обгоняя друг друга. Вовка вцепился в материну руку, кто-то больно шоркнул его по уху влажным вещмешком, кто-то толкнул пузатым чемоданом. Они стояли посреди этой движущейся толпы, видимо, определяясь – куда двигаться и к какому людскому потоку примкнуть. Но в выбранном направлении им не удалось слиться с движущимся потоком: дед, всё-таки был стареньким и не успевал попасть в ритм

движения, но, тем не менее, при входе в здание поток разделился на несколько более мелких и спокойных и, вскоре, они оказались в большом, высоком помещении вокзала с огромными окнами и многочисленными рядами скамеек, как в кинотеатре в его деревне.

Вовка всё это время, пока они шли по перрону, смотрел себе под ноги и следил за передвижениями людских ног: одни быстро семенили, другие шагали широко, третьи, как его – двигались с прискоком. А теперь, оказавшись внутри вокзала, он вертел головой, разглядывая бесчисленное множество причудливых узоров и скульптурок на стенах и потолке. Расположившись на свободных местах, они стали ожидать встречающих их родственников. Вовкино внимание привлекли большие прозрачные, видимо стеклянные ворота, которые сами открывались перед людьми, а потом закрывались тоже сами. «Как это происходит?» – подумал он и пошёл знакомиться с этим чудом. Постояв, некоторое время, возле этих толстых стеклянных дверей и не увидев «руки», с помощью которой они могли раскрываться то наружу, то вовнутрь, Вовка просунул ладошку между дверью-стеклом и стальным косяком. В это время дверь отворилась, и Вовкина рука оказалась зажатой как в тисках. Его крик заглушил шум вокзала...

Вокруг собралось много людей сочувствующих и желающих освободить «любопытного пленника». Это удалось довольно быстро и Вовка сел рядом с дедом, всхлипывая не от боли, а больше всего от испуга.

Знакомство с Ленинградом состоялось.

Потом была встреча с родственниками, прогулки по городу. Больше всего Вовке запомнился зоопарк, поездка в метро на эскалаторе и каменные статуи львов, которых было много в этом городе. В метро его удивляли движущие ступеньки, которые в конце постепенно уменьшались и исчезали, уходя куда-то вниз под металлические зубы, которые выглядели страшно, и их нужно было успеть перепрыгнуть. У Вовки это получалось довольно просто, а вот деду было трудновато, но он, всё же, тоже успевал их перепрыгнуть, приговаривая каждый раз после прыжка:

– Ох ты, батюшки мои! Святы!

Поэтому по городу он с ними не ходил, а всё время сидел дома и слушал радио.

В гостях было хорошо, но дома, всё же, лучше и обратный путь домой показался гораздо быстрее и короче.

Белый пароход

После поездки в Ленинград Вовка рассказывал деревенской ребятне о том, что он видел в том большом городе:

– Там столько много разных больших домов, некоторые блестят на солнце золотыми крышами, там много проток течет прямо в городе, а через них построены мосты – много мостов; по берегу ездят машины, а по протокам плавают лодки. Только деревьев там мало и все улицы уложены камнями, а ещё под землёй ходят поезда и там светло как на улице, а лестницы сами движутся – одни вверх, другие вниз. А на улицах, на мостах, и у больших домов стоят каменные львы и у некоторых в носу стальные кольца с цепями – это, наверное, чтобы они ночью не смогли ходить по городу.

– Врёшь ты всё, Вовка. Как это каменные львы могут по городу ходить?

– А вот и не вру! Кольца с цепями у них через нос проходят? Проходят. А зачем им цепи? Чтобы на месте их удержать! Не хотите, так и не буду больше ничего вам рассказывать. Сами съездите и поглядите.

– Ну, ладно рассказывай.

– Сказал, не буду, значит, ничего больше и не расскажу. Вон, у деда Ильи спрашивайте, пусть он вам и рассказывает.

Так и не стал он пацанам ничего больше говорить о поездке и Ленинграде, а так хотелось, спасу нет! «Пусть помучаются любопытством, – думал Вовка, – потом, может быть, как-нибудь расскажу». Но со временем это желание отошло на второй, потом на третий план – забот летом было много: купание и игры, обследование яров и кукурузных посевов, да всего сразу и не упомнить.

В один из тёплых июльских дней Вовка, уставший от беготни по улицам деревни, вернулся домой и увидел гостей. Это были его тетька с мужем, которых он любил, впрочем, как и всех других своих родственников. Ну, может, чуточки на три больше, чем других. Немного позже, после нежных обниманий и ласковых "трёпок", Вовка узнал, что тётка с дядькой хотят взять его с собой плыть на пароходе в г. Камень. В Ленинграде ему не удалось прокатиться на теплоходе, хотя в деревне на лодках он уже катался – и это было здорово: ветер лохматил его белесые волосы, рубаха раздувалась как паруса. Но это было на лодке, а здесь – такая интересная поездка предстояла далеко в гости к крёстному – в Камень, да ещё на пароходе! Вовка понял, что его мечта поплавать на пароходе очень даже может сбыться. И, пока взрослые обсуждали эту возможность поездки, он живо представил, как стоит на капитанском мостике и рулит штурвалом, а все пассажиры ходят по палубам и улыбаются ему, такому хорошему капитану. В его мыслях уже появились вполне живые картинки с нападением пиратов на их пароход, но он – ловкий и смелый капитан увёл «свой корабль» от погони, а пираты с позором сели на мель. И все пассажиры были рады этому спасению и, улыбаясь благодарно, махали Вовке руками, кепками и шляпами...

Но его фантазии прервали слова родителей:

– Мы бы, конечно, и не против, чтобы он поехал с вами, но он же, знаете – такая шустрая веретёшка, что за ним глаз, да глаз нужен. Он же на одном месте долго не сидит, всё ему куда-то надо бежать.

– Это мы знаем. Но думаем, что всё будет нормально, на сто процентов.

– Ну не знаем, не знаем! Как-то всё-таки опасно это дело: пароход, река...

... Вовка понял, что его путешествие и все его мечты оказались под угрозой срыва, он влетел в комнату к взрослым с громким криком:

– Пап, мам! Я буду нормально себя вести! Отпустите-е! – Больше слов у него не нашлось, и он заплакал.

На следующее утро Вовка гордо шагал через всю деревню к пристани, крепко держась за руки тети и дяди. Вдалеке у берега стоял Белый пароход, который ждал его, Вовку! В самом начале он и вправду вёл себя нормально, а руки взрослых держали его крепко и надёжно. Имея эти оковы несвободы, Вовка тянул изо всех сил то тётку, то дядьку, смотря, кто с ним прохаживался в это время по палубе, то к одному борту, то к другому – ему хотелось увидеть есть ли разница в том, как волны бьются о борт с той или с другой стороны парохода и как они откатываются от него и какие причудливые формы принимают при этом.

В одной из прогулок по палубе произошло то, что могло произойти или должно было произойти, когда-нибудь обязательно, если не с Вовкой, то с кем-нибудь другим. Дядя, державший Вовкину надёжно, буквально на несколько секунд отвлёкся, закуривая папиросу, и отпустил его руку. Прикурив и сделав всего пару-тройку шагов он, вдруг, обнаружил, что Вовка исчез, просто был вот и нет – палуба была пуста. У дяди волосы на голове начали шевелиться – он не мог понять, что произошло, и как, куда мог исчезнуть Вовка! Ему на миг показалось, что всё вокруг замерло, слышно было только учащённый стук собственного сердца, и мерзкий холодок забрался под рубашку – стало жутко. Он кинулся туда-сюда, Вовки нигде не было...

Вдруг он услышал Вовкин крик, который доносился откуда-то снизу. Тут он увидел небольшой люк в полу палубы. Заглянув в него, он увидел Вовку лежащего внизу на металлической решётке, а под ним с огромной скоростью, пенясь и бурля, неслась вода реки – чёрная

с белыми пенными пузырями, коварная, поглотившая много людей за своё существование. На крик подбежали матросы, которые и вытащили Вовку из опасного плена...

А люк был просто случайно не закрыт матросом, моющим палубу.

И всё могло бы обойтись печально, скорее трагически, если бы не было той решётки внизу.

Вовке было пять лет и всё для него ещё в жизни было хорошо и просто. Он быстро «забыл» об этом "приключении" и сам никогда не рассказывал о нём никому, потому что тогда, в тот раз, ему было страшно, а когда ему бывало страшно – он всегда молчал о своих страхах...

Розыскники

– Вовка, иди домой, сколько же можно насытаться? – Звали его с улицы каждый вечер то мать, то бабушка. – И где его окаянного носит-то всё время, всё не загонится никак.

Ему было пять лет и, каждое утро он отправлялся в продолжительную "разведку" по переулкам своей деревни, с важным видом топал в отцовских сапогах по лужам, здороваясь с деревенскими тётками и мужиками, шёл он ему одному известным маршрутом. За день Вовка мог пройти много: побывать у матери на работе, чтобы взять пяточок и сходить в кино, поговорить с соседками, занять стаканчик с мороженым у продавщицы маслозаводского киоска, мол, у мамки возьму денежку и потом занесу, навестить своих родственников-бабушек и дедушек, а их было у него много в деревне. Они встречали с радостью, как будто всегда ждали его появления.

– Ну-ну, садись куличок, молочка с шанежками попей, да соври чего-нибудь!

– И ничего я не вру!

– А как ты на крокодиле верхом ездил – это что было?

– Это сон мой был. Я про сон рассказывал. А не врал.

– Ну, ладно-ладно! Извиняй. Тогда сон какой-нибудь расскажи.

Его фантазии, им рассказываемые, всегда с интересом слушались: он рассказывал свои сны и так красочно, что иногда казалось, что это было на самом деле и, как будто, он был реальным участником этих рассказываемых им историй. Сны у Вовки были разные, многие о войне, хоть он и родился через двенадцать лет после её окончания, но фильмы о войне очень любил смотреть. А потом пересказывал родственникам то, что видел в кино, правда, иногда кое-что от себя добавлял, но добавлял складно.

Его рассказы были сочными и обязательно с картинками – он показывал, как немцы наступали, как партизаны отстреливались от фашистов, как взрывали фашистские эшелоны, как брали в плен немцев. Он весь перевоплощался, и это было как театр одного актёра. Если кто-то из слушателей вдруг отвлекался или задумывался о чём-то своём, Вовка это сразу чувствовал, останавливал свой рассказ-показ:

– Баба, деда! Вы слушайте, слушайте.

Слушали его рассказы всегда, потому как нельзя было не слушать, да и интересно было – как малец раскладывает фильм по сюжетам, живо раскладывает и играет несколько ролей сразу, смешно и интересно. А когда собирались родственники, которых было у Вовки много, в их доме, он садился за стол рядом с родителями и они с матерью начинали петь русские песни и их звонкие голоса приятным ручейком лились по сердцам и душам гостей, потом они тоже принимались подпевать. Вовка старался от души, а особенно он любил петь песню «Сибирь-Сибирь» – это была его любимая песня. И, вообще, он любил, когда вокруг было много людей, когда было весело и интересно.

Однажды, в его пятое день рождение, разгулявшиеся родственники вдруг обнаружили, что Вовки нет среди них. Вот он, вроде пел сейчас только что, чего-то рассказывал и вдруг его не видать.

– На улицу, наверное, ускользнул!

– Какая улица, вечер уже!

Его брат Славка уже спал в своей кровати и гости стали искать Вовку в сарайке, в зарослях черемухи в огороде, где у него был сооружён свой личный шалашик под старой ветвистой черёмухой, но его и там не было. По всей улице были опрошены соседи – никто не видел. Поиски продолжились на соседних улицах...

Никто не мог подумать, что он, уставший от взрослой компании, просто играл, катая машинку и, когда она закатилась под кровать – залез туда за ней и уснул. А когда через какое-то время он проснулся и вылез из своего убежища, то за столом увидел только одного деда Сашу, которого с Вовкиной лёгкой руки все в деревне уже с год стали звать «Александровым».

– Ну, вот он ты пострёл где, а тебя все пошли искать по деревне, а ты, значит, под кроватью храпуна давал! Шас мы с тобой отругаем их всех – этих горе-розыскников. Ха-ха! А ты ловко запрятался! Я, сперва, подумал, что ты там, но не стал проверять, выждать надо было! Ха-ха! А ты точно там был!

Дед Саша долгие годы работал в органах НКВД. И хоть фамилия его была Григорьев, а «Александровым» его в деревне стали звать после того как год назад Вовка «прогуливаясь» по улицам и идя в гости к Григорьевым, увидел, что дед Саша едет на телеге с какой-то тёткой, разговаривает с ней и смеётся. Зайдя в дом, он с порога объявил бабе Поле:

– А твой Александров с чужой жинкой по деревне едет!

Баба Поля рассмеялась, а потом рассказывала всем родственникам, как Вовка «Александрова» с чужой жинкой застучал! Вот так дед Саша стал до конца своей жизни «Александровым». А на открытках он подписывался коротко – ГАИ. Что означало – Григорьев Александр Иванович.

Летнее купание

Детство Вовки, как и любого четырёх – шестилетнего деревенского мальчишки проходило в «многочисленных и многозначимых» заботах: то рыбалка со старшим братом и друзьями, то походы по выливанью сусликов из нор, то набеги на кукурузные поля или совхозный сад, то работы по хозяйству от укладки дров в поленницы до сбора черёмухи, и всё было просто и интересно – до школы было ещё далеко, а сколько было разных и ещё не решённых проблем в деревне, и на своей улице: все они требовали его вмешательства.

Когда тебе пять или шесть, то мир воспринимается как огромный непознанный шар, который хочется открыть и посмотреть что там внутри. Узнать Вовке хотелось многое, а что можно было узнать, находясь, целый день под "присмотром" бабушки – да мало чего, а хотелось большего. Ладно, зимой или осенью – сиди дома и жди когда Славка придёт со школы или с улицы – пимы и сапоги-то одни на двоих, а летом было раздолье, обуви не надо, одёжки нужно минимум – можно целыми днями бегать босиком по косогору или купаться в затоне, образованном речушкой Шелаболкой перед её впадением в реку Обь. Детский смех и крик в этом мелком затоне не умолкал до самого позднего вечера.

Но река всегда таила в себе опасность и, так случилось, что Вовка однажды чуть не утонул, попав в "крокодилову яму", так назывались промоины, вымываемые течением в песчаном дне на мелководье. Он брел по колено в воде по прибрежному мелководью, следуя за впереди идущим старшим братом и его друзьями. Брёл не торопясь и пинал волны, которые набегали на песчаный илистый берег и слизывали с песка ими же принесённые ранее кусочки коры и веточки деревьев. Это занятие его увлекало, но волны сопротивлялись ему и, вроде, как играли

с ним в какую-то игру, сверкая разными цветами в лучах солнца. И совсем неожиданно для себя, Вовка угодил в одну из вымытых течением ям. Плавать он ещё не умел, а потому ушёл сразу под воду с головой и даже не успел испугаться вначале, и, почувствовав дно, он начал подпрыгивать, стремясь вылезти на поверхность из воды, но илистые дно и стенки ямы были скользкими, и сделать было это очень трудно. Сколько прошло времени с того момента он не знал, для него – много.

Хорошо, что старший брат вовремя обернулся и, вместо бегающего по берегу Вовки, увидел его ручонки, торчащие из воды. Когда его вытащили на берег испуганного, изрядно нахлебавшегося мутной воды и трясущегося от страха, брат несколько раз резко стукнул его по спине, потом обнял, а немного погодя популярно объяснил как нужно себя вести на реке.

Так Вовка получил первое водное крещение, ощущение от этого было малоприятное. Холод и скользкость илистого дна запомнилось Вовке надолго.

Ружьё

Осенним днем отец, приехав на обед, увидел в окно Вовку, пронёсшегося по переулку так быстро мимо окон дома, что сразу бы и не узнать, кто или что там промелькнуло, если бы не его залиvistый крик – явно опять "скакал" на "деревянной лошадке" и гонял соседских кур.

– Зина, Вовка сегодня случаем опять гостей не позвал? – Спросил отец.

– Да нет, сегодня у него была запланирована разведка черёмухи и огорода, на рыбалку Славка его не взял, вот он и носится вокруг дома "обиженный".

– Не порядок. Придётся дать ему задание, а то он без дела "закружится".

Отец вышел на крыльцо и позвал Вовку:

– Сын, иди-ка сюда, есть ответственное задание...

Вовка очень любил своего отца, как и мать, но отца чуточку больше – он же «мужик», А еще у отца был рабочий мотоцикл с коляской, и отец иногда садил Вовку впереди себя, давал порулить и понажимать на кнопку сигнала – это было здорово! И ещё Вовка знал, что отец так просто звать не будет: значит, что-то хочет ему рассказать или поручить какое-нибудь дело сделать.

– Так вот, сынок, я сейчас еду на работу – дел, понимаешь, много, до вечера буду в МТС, а вот завтра будет выходной, ну мы с мужиками собираемся на охоту съездить. Понимаешь?

– Конечно, чего же не понимать! Не маленький, небось!

– Вот и я про это. Матери тоже некогда, и я вот что думаю: ты парень смышлённый, серьёзный и ответственный. Так что, думаю, справишься с этим делом! Моё ружьё находится у бабы Давыдовой, так что ты сходи к ней и скажи, что я послал тебя забрать его и принести домой! Справишься?

– А чего не справиться-то, конечно, справлюсь.

– Только смотри мне "петушок" по дороге там с ружьём не балуй!

Задание было принято. «Ничего себе, мне и ружьё принести!» – Подумал Вовка и сразу отправился на его выполнение. Дорога была дальняя, баба Давыдова жила далеко, улиц через семь или восемь. Но разве это было расстояние для него – он, бывало, и больше за день проходил. Вот когда они ходили в гости в соседнюю деревню к бабушке с дедом – родителям матери, так он ни разу не отдыхал, а всё бегом и бегом, все четыре километра. Славка отдыхал, а он – нет! А тут-то всего ничего расстояние.

Вначале Вовка просто спокойно шёл переулками, высматривая «укромные» места, фантазируя, что он партизанский разведчик, потом так увлёкся своими фантазиями, что стал двигаться перебежками от забора к забору, как будто выслеживал кого-то, он включился в придуманную им игру, он в неё врос. Через какое-то время, наигравшись и уже приближаясь к

нужному дому, он решил не просто попросить ружьё, а "добыть" его, как и положено мужчинам – отвоевать его. Баба Давыдова была матерью Вовкиной бабушки, матери отца. Она была очень строгая и в родне её все слушались, но к Вовке всегда относилась по-доброму.

Подкравшись к дому, он потихоньку открыл калитку, затем дверь в сенки – никто его не услышал. Заглянув тихо-тихо в дом, Вовка увидел бабушку сидящей за столом в комнате – она даже не услышала, как он вошёл.

– Это я пришёл, баба, – громко крикнул он и влетел внутрь комнаты.

Баба Давыдова охнула:

– Ну, ты, шельмец Гуляевский, опять напугал меня... Чего надо?

– Я, вообще-то, не Гуляевский, а – Вовка Гуляев! А ты чё, баб, правда, что ли испугалась?

– Испугалась – испугалась. С таким криком ввалился тут! Ишь ты, громкоголосый какой?

Чё пришёл-то? За молоком, поди?

Вовка даже смутился сначала, но потом взял себя в руки:

– Да нет, баб. Тут где-то ружьё папкино у тебя, а он завтра с мужиками на охоту идёт!

Вот я и пришёл забрать его.

– Ах ты, пострёл, чего удумал-то, "ружо" ему понадобилось, лучше молока попей. Ружо!?

Отец-то чё сам не пришёл?

– Да ему некогда, на работе он занят. Молока попью, чего бы не попить, а ружьё папка сказал мне самому принести и патроны тоже. Так что давай, баб, мне ружьё-то!

– Ишь ты, какой строгий, тоже мне Леонтий Сергеевич нашёлся, строжится тут стоит.

После дружеской перепалки, выпив молока и получив всё-таки ружьё с патронташем, Вовка отправился домой.

Путь до дома был трудным и долгим. Ружьё, висевшее за спиной постоянно путалось в ногах, ремень тёр плечо и после того как удары приклада о землю, а ствола по затылку стали невмочь, а патронташ начал сильнее тянуть к земле, он взял ружьё "наперевес".

В те годы в жизни советских людей всё было проще – взаимоотношения между людьми, взрослыми и детьми, а тем более в деревне. И, в общем-то, можно сказать, ничего не было в том особенного, что пятилетний пацан шёл по деревне с ружьём. Ноша была тяжеловата и, чтобы немного передохнуть, Вовка по дороге зашёл к другой своей бабушке – бабе Поле, для него все бабушки и дедушки в родне считались родными, он сильно не разбирался в тонкостях: родственники, значит свои!

Баба Поля аж присела при виде такого вояки:

– Кто ж тебя, сынок, так нагрузил-то? Миленький ты мой! И кто же это тебе ружьё-то дал?

– Да, всё нормально, баб, дай воды попить, домой вот иду от бабы Давыдовой, у неё ружьё забрал, папка завтра на охоту собрался, вот несу ему.

– Да, тяжело ведь тебе, касатик! Пусть отец сам бы и нёс, я вот ему потом скажу пару ласковых, как детишек надрывать! А чего ж воды-то, ты вот молочка попей, да и пирожки у меня есть и с капустой и с картошкой.

– Молоко я уже попил, воды бы мне. Да и не тяжело мне вовсе, просто на улице жарко. Ну, и пирожка два я возьму на дорожку, ладно, баб?

– Да хоть четыре возьми, Славку там дома угостишь от меня, а чё он-то не пошёл за ружьём этим, он-то больше тебя и постарше.

– На рыбалке Славка, а мне и не тяжело ни сколечки. Ну, я пошёл.

И разве мог он сознаться, что тяжеловато ему, не по-мужски бы это было, хоть и тяжело, но зато какая гордость, ведь, не каждый день пацаны по деревне с ружьём настоящим ходят!

В переулках деревенская ребятня с завистью смотрели на Вовку, вернее на ружьё и патронташ с патронами и предлагали ему свою помощь, но он никому не мог доверить это дело:

– Баловство это всё! А вдруг оно ещё выстрелит, отвечай потом за вас!

...Домой он добрался в сумерках, в переулке его встречали взволнованные отец, мать и старший брат.

Встреча состоялась недалеко от дома, отец забрал у него ружьё, мать – патронташ. Уставший Вовка вытащил из кармана два помятых пирога и отдал брату:

– Баба Поля тебе передала!

– Ох ты, кормилец наш! – Засмеялась мать, взяла Вовку за руку, и они пошли к дому.

Только позже он понял, что они за него сильно переживали, но это будет позже, а сейчас он брёл к дому в полусонном состоянии. Эту ночь он спал, как убитый. И снилось ему цветочное, мирное поле, с бабочками, перелетающими с цветка на цветок, и яркое тёплое солнце.

1963

Прощай, деревня

Весной и летом 1963 года произошли глобальные изменения, которые, вскоре, изменили весь отлаженный ритм деревенской жизни. Село перестало быть районным центром, и было упразднено в обычное сельское поселение, в связи с укрупнением двух районов в один большой.

Для Вовки, как и для других ребяташек, вроде бы ничего не изменилось, но из разговоров взрослых он понял, что это плохо, что это принесёт много проблем и неустойств.

Вскоре так всё и получилось.

Сначала, из магазинов исчезли любимые Вовкой пряники: белые «мятные» и, мягкие и сладкие – «северные». Потом полки прилавков в магазине стали пустеть с каждым днём всё больше и больше. А затем, с наступлением осени, вся их семья стала вечерами ходить в магазин за хлебом, где всегда приветливая знакомая продавец почему-то сперва зачитывала фамилии своих односельчан по списку, а потом продавала вызванным из очереди по половинке булки хлеба на каждого члена семьи, и только на тех, кто пришёл в магазин. Каждый вечер у магазина постоянно стало собираться чуть ли не всё село, почти как на майские демонстрации.

Всё это для Вовки было странно и непонятно. А дальше становилось хуже – об этом он стал слышать от взрослых. Потом Вовка стал ходить провожать своих друзей, почему-то уезжающих с родителями жить в Барнаул или другие города. Его родители тоже стали поговаривать о переезде. И вскоре Вовка узнал, что их семья вместе с несколькими другими семьями собирается уезжать на какой-то далёкий Север.

Так в его родной деревне началось массовое переселение людей в разные города страны. Вовка тогда ещё не знал, что такое в стране случается регулярно с интервалом в несколько десятков лет, об этом он узнает позже. А сейчас он готовился к отъезду и был очень рад тому, что на Север они полетят на самолёте, он ещё никогда не летал, но видел самолёт-кукурузник, частенько пролетающий летом над полем на краю деревни.

Последние дни перед отъездом он до самого темна бегал по родственникам и тем излюбленным местам, где любил проводить время, играя в компании сверстников в войну, где иногда в одиночестве любил отдохнуть от беготни и пофантазировать, попрощался с родной черёмухой, которая обильно росла зарослями в огороде и которая спасала его от обид и понимала все его горести и мысли, всегда успокаивала шелестом листьев и мягкой прохладой в летнюю жару.

И вот уже несколько недель Вовка готовился к отъезду на Север, в далёкий, незнакомый Норильск, складывал отдельно свои игрушки: деревянный автомат, вырезанный из дерева двоюродным братом, пару корабликом, выструганных им самим из коры дерева, металлического мотоциклиста на мотоцикле, подаренного «крёстным».

И вот подошло время отъезда: холодным ноябрьским днём они уезжали со своей маленькой родины, уезжали сразу три семьи, шесть взрослых и девять ребяташек от 3 до 13 лет.

Родители, прощаясь с родственниками, смахивали набегающие слёзы, а детям было интересно – их ждало что-то новое и неизведанное. С небогатыми пожитками, по одному – два фанерных чемодана на семью, они погрузились на полторку, укрывшись старыми одеялами и тулупами, которая повезла их, заметая следы снежной позёмкой из-под колёс, в город Барнаул, откуда они полетят на далёкий и неизвестный Север, полетят далеко-далеко от родной стороны.

Вовка, сидевший в кабине рядом с шофёром, смотрел на бегущую вдаль дорогу и думал о чём-то своём, может он вспоминал об уходящей в прошлое деревенской жизни, а может, думал и мечтал о наступающей новой; он сидел тихо и спокойно, молча глядя на бегущую в свете фар зимнюю дорогу, возможно, думая о том, какой она будет для их семьи и куда она его приведёт.

В его жизни это было второй раз, когда он ехал далеко из своей деревни. Первый раз-это было давно, когда ему было четыре года, он с матерью, дедом Ильёй, которого в деревне звали "Колчак", и бабой Дашей ездили в Ленинград. Но тогда они ездили просто в гости и ненадолго – потом опять вернулись домой, в деревню. А сейчас он ехал в новую жизнь, в своё новое будущее и надолго. Что там будет, как их встретит это незнакомый Север. А его мысли снова и снова возвращались к деревне и к тому, что тот большой корабль, который был выструган старшим братом из берёзового полена, больше не будет спущен им на воду в дальнее плавание по Оби, а если и будет, то кем-то другим. И некому будет делать запруды весенним ручьям на их улице, а если они и будут делаться, то опять же не им. От этого ему было грустно.

Но от этих мыслей его отвлекала дорога, лентой стелящаяся впереди – она как бы звала вперёд и была нескончаема, переметаемая зимней позёмкой – то белыми широкими полосами, то узкими, похожими на маленькие ручейки.

Позади для шестилетнего Вовки было много, а вот что будет впереди?

Глава 2. Север. Встреча с Норильском

Встреча с Севером

Север встретил их неприветливо. Сразу, выйдя из самолёта Вовка почувствовал своим носом, щеками, что это не шуточное дело – Север, его колючий пронизывающий насквозь ветер пробирался везде, он жалил и не давал открыть глаза, толкал резкими порывами и сбивал с ног, стараясь повалить наземь, но Вовка шёл, вцепившись обеими руками в руку отца. Первые десятки метров по Северу от самолёта до здания аэровокзала с трудом, но, всё же, были пройдены, и это была его первая «победа». Там, в деревне, сильные морозы и снежные бураны тоже случались частенько, но они были по мягче что ли или роднее, наверное, а здесь всё совсем по-другому: ветер и мороз более жёстко и злее кусал и бил со всех сторон. Вовка даже подумал, преодолевая эти тяжёлые метры, что Север не желает его пускать в свои владения, а хочет сразу запугать и показать кто здесь хозяин.

Внутри небольшого вокзала было тепло и уютно, и только завывание пурги, со злобой бьющей ледяными лапами по стенам и в стекла окон, напоминало о том, что там, снаружи, лютует стужа.

Все места на скамейках были заняты и они расположились на своих узлах и чемоданах возле стены. Отец с мужиками пошли узнавать расписание автобусов до Норильска, Славка дремал на чемодане, прислонившись к стене, а Вовка решил сделать «разведку» и узнать где тут что находится. Его нос учуял вкусные запахи, идущие откуда-то из дальнего угла зала, и ноги двинулись в том направлении. Это был буфет, чем-то напоминающий их деревенскую чайную, только размером поменьше, а за прилавком стояла такая же женщина и тоже в белом фартуке и белой шапочке, к ней стояла очередь из нескольких человек. Вовка протиснулся к стеклянной витрине и его глаза «разбежались» в разные стороны, а рот открылся от боль-

шого количества разных вкусовностей. Он не помнил, сколько времени простоял в этой немой сцене, прижавшись носом к стеклу и глядя на большой румяный пряник с какими-то буквами и рисунками, облитый белой глазурью: пряники для него – это было всё! Очередь обходила его, а он стоял и глотал слюнки.

Очнулся он от того, что кто-то тряс его за плечо. Это была мать:

– Вовка, чё ты здесь стоишь, мы уж потеряли тебя.

– Мам, я вот тот большой пряник хочу!!!

– Пойдём, возьмём деньги у отца и потом купим.

– Он последний. Сейчас кто-нибудь его заберёт!

– Да, не заберёт никто, пошли.

– Скажи тётке, чтобы она оставила его! Скажи!

Кто-то из очереди сказал:

– Девушка! Этот тульский пряник, что на витрине у вас последний или ещё есть?

– Последний. – Ответила продавец.

Вовка аж весь вздрогнул, услышав это, и громко сказал матери:

– Я же тебе говорил, что заберут! Говорил!

– Давайте его мне, – сказал дядька, который стоял самый первый, он забрал пряник и повернулся к Вовке. – Возьми, малыш и кушай на здоровье! А то ведь правда кто-нибудь заберёт!

– Спасибо большое! – сказал Вовка, забрал свой заветный пряник и отправился к своим.

Сзади мать благодарила дядьку:

– Спасибо, Вам! Знаете, он так любит эти пряники, ну прямо никогда мимо их не пройдёт! Я сейчас деньги Вам принесу!

– Да, не надо, не переживайте за деньги. Это от души! Пусть ест, малец, на здоровье!

Вскоре объявили посадку на автобусы и, пробежав сквозь густоту метели, они всей своей деревенской группой сели в один из них, заполнив почти половину его, злобный ветер и колючий мороз уже не доставали их, а лишь гудели за замёршими окнами в чёрной ночи. Автобус раскачивался от бурных порывов ветра, но пассажиры, находясь в тепле, уже расслабились и некоторые задремали под монотонный шум мотора и завывания пурги.

Вовка с братом сидели у окна и попеременно дули на оконное стекло, стараясь проделать в толстой ледяной корке маленькие оконца, чтобы смотреть, что же там творится за окном в этой чёрной мгле на этом Севере. Оттаявший от их дыхания маленький кружок почти сразу же затягивался белым морозным инеем, а они всё дышали на него и тёрли пальцами, отвоёвывая у мороза миллиметры прозрачности стекла.

Впереди, в водительском стекле появились огни, много огней! Водитель сказал, видимо, для них – впервые едущих сюда, что они подъезжают к городу Норильску.

При въезде в город в автобусе сразу стало светлее, и яркий свет от уличного освещения проникал даже сквозь замёрзшие стекла. Казалось, что они приехали в какую-то сказочную страну светящуюся разноцветными огнями витрин магазинов, с ярко освещёнными улицами.

Вовка вспомнил как этой осенью, в деревне, он с родителями и несколькими родственниками шли из гостей поздно вечером по ночной улице и только свет луны освещал им дорогу, да вдалеке возле дежурного магазина горел одиноко фонарь, освещая часть здания магазина и небольшую площадку перед ним. А здесь было светло, как днём и это произошло как-то неожиданно и быстро: вот только что они ехали в кромешной тьме, где вообще ничего не было видно, а тут сразу раз и светлота! Для его детского разума, да и для взрослых, наверное, это было ошеломляющим зрелищем.

И это был тот город, куда они все ехали, но помнится, что из разговоров взрослых, услышанных Вовкой, он понимал, что они боялись туда ехать, хотя всё равно поехали «на свой страх и риск в неизвестность» и их, детей, тоже взяли с собой. А он, город Норильск, оказался

таким светлым и даже как-то сразу расположил к себе, показавшись очень уютным и добрым. Вовка, конечно, в отличие от взрослых не боялся ехать на Север, ну может быть только чуть-чуть. И оказалось, что эти «чуть-чуть» – были зря!

Вовкину семью встретили родственники, материна сестра с мужем, о которых он слышал, но не видел никогда. Мужа материной сестры звали дядя Володя, и Вовка это сразу отметил для себя: «Раз так его зовут, значит, дядька – хороший, нормальный мужик», потому что с таким именем, в Вовкином понимании, он просто не мог быть плохим, ведь сам Вовка считал себя нормальным, хорошим пацаном!

Они поселились у тётки в однокомнатной квартире, которая была раза в два больше чем их дом в деревне, так ему показалось: с большой светлой кухней и ванной комнатой с белой ванной, в которой можно будет плавать, и это он оценил сразу, а в углу зала гордо стоял «ТЕЛЕВИЗОР»! Вовка видел уже такой у родственников в Ленинграде. И здесь этот домашний кино-театр тоже стоял на отдельной тумбочке.

Вовка со Славкой познакомились с братом и сестрой, теткинскими детьми. А ещё посреди зала стоял стол, накрытый разными вкусностями, в центре стола на большой тарелке дымились горка белых крупных пельменей. От всей навалившейся новизны и ароматных запахов кружилась голова. «Чего бы тут не жить, – думал Вовка, – тепло, светло, всё есть, особенно то, что поесть, тут у любого голова кругом пойдёт».

Знакомство с Севером и родственниками состоялось, а после шикарного ужина все те злые выпады пурги в аэропорту сразу забылись. Взрослые ещё сидели за столом, говоря о своём, а детей свалил сон. И снилась Вовке деревня, родной дом и черёмуха, по веткам которой скользили, играя с ним, солнечные лучи, а он купался в их теплых объятиях, ему было хорошо и весело.

Утром, когда тётка с дядькой ушли на работу, младший братишка в детский сад, а сестра в школу, Вовкина семья вышла в город, как в новую жизнь – осмотреться. Большие в несколько этажей дома светились окнами и стояли как горы. Они зашли в ближайший магазин и буквально застыли от увиденного: высокие светлые комнаты магазина сияли разноцветными товарами на полках и в витринах – конфетами, колбасами, разными банками с соками, огурцами и помидорами и ещё, и ещё. Вовка увидел много-много пряников, его голова закружилась от такого их количества и разнообразия.

Вдоль боковой стены стояли стеллажи отделённые блестящим заборчиком из труб, а на стеллажах лежали разного размера и вида булки и булочки хлеба, пахнущие свежееиспечённым, ни с чем несравнимым, ароматом! Столько много разного хлеба Вовка тоже не видел.

Потом мать дала им всем по 20 копеек для покупки и они, встав друг за другом, взяли с полка по одной булке и прошли к продавцу. «Вот сейчас она заставит нас положить половину булок назад» – подумал Вовка. Но этого не произошло, продавец взяла деньги, даже ничего не сказав.

Купленный хлеб был бережно принесён в их новое, пусть и временное, место жительства и положен в центре стола. Вечером Вовкина тётка, очень большая и как показалось Вовке на первый взгляд – сердитая, спросила, придя с работы:

– А зачем это вы накупили столько хлеба?

– Будем есть, а то вдруг завтра его не будет, не привезут.

– Но, мы столько не съедим за вечер, а хлеб у нас в магазинах привозят каждое утро и после обеда, поэтому не надо его покупать столько много.

– Ну, если не съедим, то на сухари засушим, а с молоком и сухари очень вкусные.

– Хорошо, но больше не надо столько покупать и не только хлеб, но и другие продукты.

Они всегда в магазинах есть: и молоко и мясо, и колбасы разные, фрукты разные и картошка. Вот завтра я выходная, походим по городу, покажу, что и как и где работаю, да и город немного посмотрите, оглядитесь.

То, что она говорила насчёт продуктов, что они всегда есть в магазине воспринять было трудно.

Но шли дни, они обживались на новом месте жительства, и всё постепенно становилось на свои места, как будто так в их жизни было всегда.

Через несколько дней родители устроились на работу, Славка стал ходить в школу, а Вовка полдня оставался дома один.

Ноябрь 1963

Знакомство с Севером

Сидеть дома было скучно, в деревне Вовке было привычнее быть на улице, а здесь вот должен был сидеть закрытым до тех пор пока сестра и Славка не придут со школы. И лишь потом можно было выйти во двор, где постоянно играла ребятня, он наблюдал за их играми в окно.

С этого двора началось его знакомство с северскими пацанами и с нравом Севера. При этом первом знакомстве Вовка узнал, что многие мальчишки были такие же приезжие, как и он, только приехали сюда раньше его, а многие родились здесь и тем гордились. Он постарался познакомиться с ними поближе, для чего, подойдя к группе ребят, представился, что он приехал из Сибири, и зовут его Вовкой. На ехидный вопрос одного крепкого конопатого пацана: «А ты не замёрзнешь здесь? В своей фуфайке», Вовка с достоинством ответил, что у них в Сибири и похлеще морозы бывали и ничего сдюжил.

– А может, ты ещё и на горке со мной поборешься? – Не унимался рыжий, видимо, он был заводилой в этом дворе. Ребятня с интересом смотрели на затевающийся спор, который мог закончиться интересной развязкой, ну, например, небольшой дракой.

– Можно и побороться, – дал Вовка свой ответ, – ты, где будешь на горке или под горкой?

– Да мне без разницы где. А ты где хочешь?

Вовка понял, что это была своеобразная проверка, в деревне тоже иной раз так, бывало, проверяли друг друга, и он уже знал, что труднее захватить вершину:

– Давай ты наверху будешь, а я тебя оттуда буду сталкивать.

Рыжий был постарше Вовки, может на год-полтора, но для Вовкиных шести лет с небольшим его рост был чуток по более его годков, да и в устраиваемых в деревне зимой или летом разных свар, типа «куча-мала», он всегда сопротивлялся подолгу, и не сдавался ни ровням, ни старшим мальчишкам.

– Ну-ну! – сказал «конопатый» и полез на вершину сугроба.

Ребятня стала полукругом.

Вовка не торопясь снял рукавицы, засунул их в карманы фуфайки, одновременно изучая выступы и углубления в снежной горке, и спокойно двинулся в сторону вершины, стараясь твёрдо ставить ноги, как бы закрепляясь. «Рыжий» стоял и ухмылялся, уверенный в своей победе.

Перед самой вершиной, Вовка сделал «финт», он вроде бы немного поскользнулся и, специально согнув одну ногу в колене, а второй при этом очень удобно закрепился в небольшом углублении горки. «Противник» не разгадал этот трюк, поднял ногу, чтобы пинком столкнуть вниз этого наглого «новенького шпанца», а Вовка же чуть отклонившись влево, ухватил «рыжика» за пальто и резко дёрнул на себя, тот полетел вниз и Вовка, не удержавшись, тоже следом за ним. Этот приём он видел на родине, в деревне, когда деревенские мужики праздновали проводы зимы.

Тут Вовка оказался победителем, и вся дворовая ребятня это видела.

С «рыжим», а его звали Женька, они так и не подружились, потому что после проигрыша и «позорного» скатывания вниз этот пацан подскочил к поднимающемуся со снега Вовке и

заехал ему кулаком в нос. Вовка от боли и неожиданности упал лицом в снег: ему было больно, а больше обидно за такую подлость и несправедливость. Потом он молча поднялся, взял комок снега приложил к носу, глянул на противника и пошёл в сторону дома.

До него донеслись слова кого-то из мальчишек:

– Сейчас жаловаться пойдёт...

Но Вовка дошёл до крыльца подъезда, сел на ступеньки. Кровь уже почти остановилась, и он снегом стал протирать лицо, чтобы смыть следы крови. И только после этого встал и пошёл домой. Мать, конечно, увидела немного припухший нос, но Вовка сказал, что ударился об снег, скатываясь с горки.

Позже он понял, что это "крещение" было ему на пользу и то, что он не стал жаловаться взрослым по этому случаю, вызвало уважение среди дворовых мальчишек.

Потом он днями носился по улице, знакомился с ребятами и присматривался к новой обстановке. С «рыжим» у них установился определённый «нейтралитет»: вроде бы и вместе в компании играли, но к друг другу не приближались и не задирались. Просто были и всё.

Мать устроилась на работу дворником через один двор от дома, где они проживали, и эта её работа Вовке нравилась, а вот в деревне она работала в какой-то сберкассе, там её работа ему была не совсем понятна – какие-то бумажки заполняла и перекладывала в папки и шкафы; люди приходили в эту сберкассу и то сдавали деньги, то получали, а здесь было интересно: она убирала снег возле подъездов дома. В помощь матери собиралось несколько Вовкиных новых друзей, заражённых его идеей построить много ходов и большую пещеру из снега. Снега на Севере было много, кое-где сугробы доходили до окон первого этажа. Мать деревянной лопатой вырезала кубы из твёрдого снега, а пацаны отвозили их на санках в сторону и строили снежную крепость и тоннели, а потом лазали по этим построенным лабиринтам вечерами.

И ещё им было интересно залазить в глубину снежных и уютных пещер, в которых совсем не чувствовался северный мороз и жгучий ветер. И Вовка рассказывал собравшимся какие-то разные истории, а они слушали, затаив дыхание, иногда переспрашивали: а когда это было? А, что дальше? Ему это нравилось – он любил, когда его рассказы слушались и тогда он ещё больше хотел придумывать и тут же на ходу сочинял такие невероятные истории, что сам верил в них.

В общем, не работа у матери была, а просто сказка.

Новая квартира – своя!

Через месяц им дали квартиру в том дворе, где мать работала дворником. Там к большому дому как раз закончили строить два подъезда. Вот в одном из них, на пятом этаже, им с материнской работы и выделили двухкомнатную квартиру. Какой это был праздник – войти в своё новое жильё, а не ютиться ввосьмером в однокомнатной. Их новая квартира была большая, раза в два больше чем тёткина и уж конечно больше чем их дом в деревне. Вовка с братом бегали по комнатам и кричали, а их крики раскатывались эхом по всей квартире.

Мать быстро накрыла "праздничный стол" – расстелила на чемодане скатерть и разложила на нём колбасу и сало, хлеб и соль, яблоки и пряники. Отец поставил посередине бутылку водки:

– Ну, вот сыны, здесь теперь и будем жить! Это хорошо, что свой угол теперь у нас есть. Давайте ешьте, а мы с матерью по рюмашке выпьем за наше новоселье! Чтоб жилось нам здесь хорошо.

В квартире было тепло, даже теплее, чем у тётки, наверное, это и вправду что свои стены греют лучше. В этот дом они въехали самые первые и, так как мать работала дворником от ЖЭУ, ей выдали ключи от всех квартир в этих вновь построенных двух подъездах. В её обязанности теперь ещё и стало входить выдача ключей новосёлам, которые вот-вот должны будут

вселяться в свои квартиры. Вовка принимал активное участие в этом – он ходил вместе с матерью и присутствовал практически при всех заселениях. Так он познакомился со своими будущими друзьями: двумя Сашками и Витькой, с которыми потом они были "не разлей вода" в течение четырнадцати лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.